

УДК 94
ББК 63.3 (4 Англ.) 4
М 26
С.П. Маркова

Тестаменты из архива Йоркского архиепископства эпохи классического средневековья

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируются завещания и описи имущества (тестаменты) жителей графства Йорк, сделанные в XIV-XV вв., которые регистрировались и утверждались в курии Йоркского архиепископства.

Ключевые слова:

Тестаменты, архиепископство, курия, завещания, описи имущества, мортуарий, chantry-priest, душеприказчики.

Современному российскому человеку английский Йорк в лучшем случае известен как родина Робинзона Крузо, как город, давший название американскому Нью-Йорку, как религиозный и музейный центр Англии. Между тем, Йорк, являясь в средние века бесспорной столицей севера страны, был в определенном смысле конкурентом Лондона. В острые моменты в политической жизни государства в нем жил король, работал парламент, находились административные и правовые учреждения, собирались войска. Тюдоровский Совет по делам Севера имел свою резиденцию в Йорке. Со времени Ричарда II имя города стало титулом второго сына английских королей. В 1389 г. Ричард II удостоил мэра Йорка титула лорда мэра, чести, которой никто кроме мэра Лондона в королевстве не имел. С 735 г. Йорк получил очень важный в средневековье статус – стал центром северного архиепископства, включавшего в себя целый ряд диоцезов. Таким образом, город превратился во вторую церковную столицу Англии после Кентерберии.¹

Богатейшие архивы города, графства и архиепископства обладают интересным материалом – завещаниями жителей региона. Право регистрации и утверждения завещаний всех лиц принадлежало церковным структурам. В Йоркском графстве таковой была курия архиепископа, прерогативы которого распространялись на весь север Англии. Поэтому в архивах Йоркского архиепископства представлены все кате-

гории имущего населения: духовенство, дворянство, горожане.

Как известно, особенностью английской исторической традиции является активная публикация архивного материала. Йоркские завещания публиковались в XIX в. литературно-историческим обществом Surtees Society под названием Testamenta Eboracensia.² Издание Йоркских завещаний заслуживает особого внимания историков, поскольку в нем с наибольшей точностью по сравнению с другими публикациями тестаментарных источников воспроизводится оригинальный архивный текст. Так, интересное и солидное издание лондонских завещаний представляет довольно свободный перевод текста с языка подлинника на современный английский язык, перевод скорее похожий на комментарий с толкованием в подстрочнике или тут же в тексте неизвестных современному английскому языку слов средневекового текста.³ Публикация Йоркских завещаний сделана на иных принципах. Издатели даже не исправляли грамматических ошибок авторов завещаний и писцов, стремясь обеспечить фотографическую адекватность документов.⁴ Разумеется, такой характер издания усложняет работу с источником по сравнению, например, с тем же лондонским изданием. Но именно точное копирование завещаний делает Йоркские публикации равноценными архивному материалу. Завещания в анализируемый период писались на трех языках. До 1393 г. в ос-

новном на языке средневековой латыни, представители феодального класса писали завещания иногда на средневековом французском. В 1393 г. появляется первое завещание целиком на средневековом английском. Оно сделано горожанином, свечным мастером. С 1420 г. основным языком становится английский, причем, в его северном диалектном варианте. Издатели текстаментов постоянно подчеркивают в предисловиях ко всем томам, что цель их публикаций – продемонстрировать «картины домашней жизни, религиозных чувствований, обычаев, обрядов и образа жизни средневекового человека».

Проведенный анализ текстов Йоркских завещаний позволяет говорить, что формы этого рода документов были весьма разнообразны. Во-первых, завещание могло быть сделано устно (*testamentum nuncupativum*) и быть оформлено письменно (*testamentum in scriptis*). Устная форма использовалась крайне редко: на протяжении XIV в. в Йоркской коллекции содержится десять документов такого типа. В XV в. завещания подобного типа фактически исчезают.⁵ Это обстоятельство объясняется ненадежностью такого способа передачи имущества, возможностью мошенничества со стороны душеприказчиков и наследников.⁶ К устной форме завещания прибегали не в совсем обычной ситуации. Например, Елена де Корнебург «обращается к устному завещанию из-за потери способности писать»,⁷ рыцарь К. Ньюмарш диктует «последнюю волю» на поле сражения, получив смертельную рану.⁸ Не всегда, конечно, так ясны причины устного волеизъявления.

Во-вторых, завещания могли иметь добавления (иногда не одно), так называемый *codicillus*. Практика изменений, приложений к ранее написанному, была сравнительно распространённой, известной и неоспоримой. Из общего числа завещаний (762), опубликованных в сборниках Йоркских завещаний за рассматриваемые годы, 46 имеют добавления. При этом все дополнения непохожи друг на друга и различаются по количеству, характеру даров и мотивации дополнения. Некоторые из них имеют датировку и свидетельскую часть, в других она отсутствует; одни сделаны устно, другие представляют собой обширные письменные приложения к завещаниям. Есть очень небольшие завещания с кратким распоряжением о месте по-

хорон составителя документа, назначении им душеприказчиков и пространными добавлениями. Это вероятнее всего документы, составленные наспех в критическую минуту (ухудшение самочувствия больного) и детализированные впоследствии, когда кризис миновал.⁹ В большинстве примеров, обычных по форме и размерам завещаний с приложением, необходимость в добавлении обуславливалась не спешкой составления первого текста, а какими-то изменениями в жизни завещателя (имущественными, семейными, изменениями в его взглядах, в окружающей обстановке, в жизни города и т.п.).

В-третьих, завещание, сделанное в письменной форме, целиком могло быть написано и подписано самим завещателем и скреплено его печатью.¹⁰ Оно могло быть написано кем-то за него и при этом считаться вполне законным. Во многих случаях, несомненно, завещание писал городской писарь или приходской священник за его умирающего прихожанина. В подтверждение подлинности завещание скреплялось печатью завещателя и его подписью. Поэтому в преобладающем большинстве документов их заключительная часть звучит так (с разными отклонениями в стиле): «для подтверждения моего завещания ставлю свою печать».

Наконец, следует отметить, что завещания различались по стилю. Есть завещания, имеющие форму торжественного нотариального акта или большого сочинения, которое, конечно тщательно и долго обдумывалось и оформлялось.¹¹ Такого рода завещания делали в основном служители церкви, причем ее высшие чины, и представители феодального класса. Для горожан характерны деловые и суховатые по стилю тестаменты, которые если и получались значительными по размерам, то только потому, что их авторы, имея значительное состояние, оставляли большое число даров.¹²

Отсутствие единообразия отличает не только форму Йоркских завещаний, но и их содержание. Вначале идет общее для всех завещаний вступление, называющее имя завещателя, его сословную принадлежность и в ряде случаев род занятий,¹³ с присутствующей здесь очень часто формулой: «здоровый умом, хотя слабый телом», «находящийся в здравом уме и твердой памяти», «здоровый умом и телом» и т.д. Оформленное записью или подразумевае-

мое удостоверение завещателем его умственно-го здоровья естественно и необходимо, ибо в противном случае документ не имел бы юридической силы.

Вступительная часть завещания перепоручала душу завещателя «всемогущему богу, деве Марии и всем святым», а тело предписывала похоронить в определенном месте. Сведения о месте погребения часто сообщают интересные данные о самом завещателе и его семье. Так, один из самых богатых купцов Йорка Н. Блэкборн и его жена пожелали быть похороненными в кафедральном соборе св. Петра в Йорке.¹⁴ Основную массу горожан хоронили в их приходских церквях или на церковных кладбищах. Если рабочий Р. Джонсон скромно предлагает похоронить его в церкви св. Елены (не указывая даже, в каком ее месте) либо на церковном кладбище,¹⁵ то олдермен, купец Р. Вартер выражает твердое желание быть погребенным в «южной части приходской церкви, в гробнице, за изготовление которой уже заплачено».¹⁶ Были и такого рода пожелания: «похоронить меня, где укажет Бог».¹⁷ Точного и однозначного объяснения подобного волеизъявления дать невозможно. Вероятно, некоторые завещатели предполагали, что могут умереть где-то за пределами Англии. Поскольку в те времена перевезти тело умершего на большое расстояние практически было невозможно, то похороны осуществлялись там, где умер человек, то есть, говоря словами завещания, «где пожелал бог». Впрочем, определенная часть завещателей, не указывающих точно место захоронения (в основном из духовенства), и в самом деле предпочитала оставлять решение этого вопроса на усмотрение Бога.¹⁸ Иные давали тщательно разработанные инструкции по сооружению и оформлению надгробий,¹⁹ форма и особенно стоимость которых характеризовали имущественное состояние умершего.

Все завещатели давали указания относительно организации похорон, только у одних это детально расписанные инструкции погребальной церемонии,²⁰ у других – короткое наставление купить столько-то свеч, которые должны гореть у тела в день похорон, или фиксированная сумма на погребальные траты.²¹

Давая распоряжения относительно места захоронения, формы и материала надгробий, завещатель оставлял священнику особый и,

вместе с тем, традиционный для Йорка взнос, так называемый мортуарий (mortuary) или погребальную пошлину. Для представителя феодального класса этот взнос мог быть передачей самого лучшего боевого коня в полном боевом уборе, который к тому же возглавлял погребальную процессию.²² Горожане в качестве мортуария вносили лучшую верхнюю одежду или вообще лучшую вещь в доме. Почти каждое завещание горожанина имеет такую фразу: «в качестве моего мортуария самое лучшее мое платье с самым лучшим капюшоном». Предметный натуральный мортуарий иногда заменялся уплатой некоей денежной суммы.²³

Распорядившись о погребении тела, следующую часть завещания (одну из самых больших) авторы отводили заботам о благоденствии души. Делались значительные пожертвования приходской церкви на поддержание ее строений в исправном состоянии, на украшения, усовершенствования и достройки в ней, предусматривая при этом мельчайшие детали.²⁴ Почти все жалователи, вносящие большие взносы на церковь, не обходили дарами кафедральный собор города – собор Св. Петра. Особую и обязательную категорию пожертвований в пользу церкви составляли суммы ее служителям всех рангов. Оставляемые денежные суммы (как правило, это были только деньги) могли быть очень небольшими, но помнил об этом каждый завещатель. Приходскому священнику оставлялись, кроме того, особые суммы в качестве десятины, которая в течение жизни почему-либо нерегулярно платилась завещателем.²⁵

Самые обширные взносы делались на церковные службы за упокой души умершего, иногда душ его детей, родственников, друзей, просто знакомых и верующих. Заупокойные мессы служились специальным chantry-priest, который содержался за счет такого вклада. Практически характер службы зависел от размеров вклада. Когда завещатель был настолько состоятельным, что его пожертвований хватало не только на содержание священника, внутри церкви (или рядом с нею) строились капеллы (chapel) для совершения в них богослужения за умершего.²⁶ Разумеется, такие состоятельные жертвователи единичны. Большинство ограничивалось назначением определенного жалования священнику (иногда двум-трем). Уже упоминавшееся подробное и содержательное за-

вещание купца Р. Руссела сообщает об одном из распространенных источников вкладов для chantry-priest – о выделении земельного держания, приносящего систематический и неиссякаемый доход для содержания chantry-priest.²⁷ Наименее состоятельные представители городского населения, которые не имели достаточных средств, чтобы содержать постоянного священника, вносили определенные суммы уже существующим в их церквях chantry, капелланы которых в своих молитвах должны были помнить о таких вкладчиках. Поскольку chantry имелись практически при всех приходских церквях, а дарителей среднего достоинства среди завещателей было большинство, естественно институт, который можно было бы назвать учреждением коллективных chantries, был распространен широко и, видимо, неплохо обеспечен. Число месс нередко специально оговаривалось и конкретно устанавливалось время их совершения.²⁸ Определялся иногда характер служб.²⁹ Оговаривалась даже сама процедура.³⁰ Тщательные инструкции давались о количестве и размерах свечей для церковных погребальных служб, определялась сумма, необходимая для их покупки.³¹

Большое место в Йоркских завещаниях занимают вещественные пожертвования церкви: богослужебные книги, церковная одежда, утварь и дары общенациональным и провинциальным святыням. Приношения святыням были ограничены узким кругом вещей: кольца разной ценности (золотые, с драгоценными камнями), позолоченные пояса, ожерелья, то есть драгоценности, накопления которых в церкви, владеющей реликвией, увеличивало ее богатства и способствовало росту популярности и авторитета святыни.

Дары самой церкви многочисленны, пестры и разнородны. Пожалования в завещаниях дают интересные сведения об обрядовой стороне богослужения и внутреннем убранстве католической церкви в Англии. Здесь мы ограничимся лишь одним примером – выдержкой из завещания Р. Руссела, – достаточно наглядно иллюстрирующим эту категорию вкладов на религиозные цели. «Завещаю администрации приходской церкви и ее преемникам для использования на богослужении одну ризу, один alb бумазеевый с горностаевым мехом, две туники из черной ткани, осыпанной золотом, две

ризы и одну накидку, осыпанные золотыми звездами, одну алтарную занавеску, одну потиру с диском, одну серебряную ложку с позолотой, два пузырька для масла» и ряд церковных книг.³²

Почти так же, как и церкви, широко благодетельствованными авторами завещаний оказывались монастыри, расположенные в черте города и в пригороде. Пожертвования отдельным монахам и их конвентам были столь же значительны, как и пожертвования церкви, но преобладали здесь денежные вклады. В Йорке было несколько монашеских орденов и монастырей, и все они попадали в сферу пожалований большинства завещателей: одни, наиболее состоятельные, оделяли вкладками все ордена города, другие – часть их или даже один монастырь, с которым больше всего, вероятно, были связаны при жизни. Обычна такая формулировка даров монастырям: «Завещаю каждому ордену нищенствующих монахов города (указывается сумма) для равного раздела между ними за молитвы за упокой души моей и жены», или подробно перечислялись все монастыри, которым оставлялся взнос.

Интересным, но редко встречающимся моментом городских завещаний XIV-XV вв. являются пожертвования на паломничества к святым местам. Горожан, пожелавших лично отправиться на поклонение к святым местам, судя по завещаниям, было немного. Впрочем, что-то категорическое утверждать здесь невозможно, так как даже те горожане, завещания которых включены в сборники, не всегда говорили о совершенном ими при жизни паломничестве. Большинство решивших искупить свои грехи паломничеством обращались за помощью к другим лицам, специально за особое вознаграждение путешествующим от одной святыни к другой и выполняющим поручение тех, кто хотел «очистить» свою душу. От заказчика в этом случае требовалась лишь определенная плата пилигриму и разработанная инструкция поведения последнего. Деньги делились на две части: часть – паломнику за труды, другая – на мессы в святых местах, число и характер которых оговаривался. Паломничество к особо почитаемым святыням совершалось пилигримами – заместителями и после смерти завещателя. Это особо оговаривалось в завещании.

Как уже отмечалось, обязательной чертой завещаний являлись значительные пожалования горожан на благотворительность. Отказы на благотворительность направлялись по различным каналам: помощь бедным (определенным лицам и госпиталям), больным, заключенным, отшельникам, вклады на строительство и ремонт дорог.

Средневековая Европа, столкнувшаяся с проблемой бедности уже на самом раннем этапе своего существования, должна была искать пути борьбы с этим широко распространенным злом, мучившим не только бедняков, но и отражавшимся и на господствующих классах. Несмотря на то, что борьба с бедностью была сизифовой работой, которую вели часто неудачными, безрезультатными и нелепыми способами, попечением о бедных занимались в какой-то степени все состоятельные слои общества. Анализируемые документы рисуют интересную картину частной благотворительности и в связи с нею дают представление об учреждениях по призрению бедных. Раздача милостыни обездоленным, больным, заключенным в тюрьму, престарелым и просто бедным почиталась, несомненно, одним из тех богоугодных и добрых дел, распоряжение о которых составляют значительную часть завещаний. Отказы в пользу бедных предписывали раздачу одежды, топлива, постельного белья, денег.³³ Причем, чаще оставлялись именно деньги, потому что таким образом можно было меньше дать каждому и одарить большее число нищих, то есть увеличить число молящихся за душу жертвователя. Вот довольно обычная фраза для такого рода пожалований: «Завещаю для распределения между бедными в том месте, где больше всего их просит милостыню, чтобы молились за мою душу».³⁴ Некоторые оставляли деньги только больным беднякам.³⁵

Почти каждый горожанин в своем завещании вспоминал о госпиталях. Эти богадельни существовали за счет разного рода вкладов, часто очень небольших, но поскольку вкладов было много, подобные учреждения росли в размерах и количестве. В Йорке ко времени Реформации было 16 госпиталей. Некоторые из них предназначались только для оказания помощи больным, особенно прокаженным. В городе находилось четыре госпиталя для прокаженных. Не забывались жалователями и за-

ключенные, которым, как правило, оставляли лишь деньги на еду. Особую категорию одариваемых милостью завещателей составляли анахореты – отшельники. Свои кельи, в которых проходила большая часть их жизни, отшельники делали у церкви или внутри нее.³⁶

Наконец, с благотворительными целями самые богатые завещатели оставляли деньги на ремонт и строительство мостов. Этого рода вкладов в Йоркских завещаниях горожан немного. Наиболее интересный пример пожертвования на содержание четырех основных мостов севера страны имеется в завещании уже упоминавшегося Н. Блэкборна. Автор даже не ограничивает какой-то суммой свой вклад, который, конечно, не мог не быть значительным.³⁷

Самый большой и, пожалуй, наиболее интересной частью Йоркских завещаний, является раздел, в котором перечисляется особое наследство, конкретные посмертные дары разным людям (детям, родителям, родственникам, просто знакомым), от предметов туалета до земельных держаний. Содержимое всех комнат и подсобных помещений дома завещателя с тщательным описанием каждой детали, внешний вид одежды, качество ткани, название книг, перечень инструментов ремесленников и прочее, делают собрания завещаний ценными документами по истории быта средневековых горожан. Вместе с тем, завещания ничего не говорят о денежных средствах авторов, не считая одного-двух замечаний вскользь о том, как ими распорядиться. Говорят о долгах, но лишь в форме пожеланий душеприказчикам уплатить их полностью. Иногда встречаются фамилии должников или тех, кому должен завещатель, но почти всегда без указания суммы задолженности, поэтому такого рода сведения не представляют серьезного интереса. В целом следует отметить, что число конкретных даров в завещаниях, принадлежащих людям разного имущественного состояния, варьируется.

Заканчиваются завещания передачей остаточного посмертного дара (*residuum omnium bonorum non legatorum*) душеприказчикам для распределения в уплату за долги, за молитвы на упокой души умершего и как вознаграждение за труды душеприказчикам. Иногда этот остаток передавался целиком жене и детям.³⁸

Назначение душеприказчиков – обязательная часть завещания, без которой документ не имел силы. И это естественно, поскольку без представителя умершего ни одно из желаний последнего не могло быть выполнено. Иногда в помощь душеприказчикам назначались супервизоры.³⁹ Количество супервизоров очень различно: от одного (редко) до семнадцати.⁴⁰ Чем объясняются такие широкие колебания, сказать трудно, видимо, все же не размерами оставляемого имущества и не числом распоряжений. Полномочия представителей умершего были достаточно широкими.

Заключительные строки завещания – поименное перечисление свидетелей этого акта, после чего ставилась дата составления документа, подпись и печать.

Составленное по требуемой обычаем форме завещание далеко не сразу вступало в силу и становилось юридически правомочным документом. Первым условием этого была смерть завещателя. Только после нее назначенные умершим душеприказчики могли начать работу по приданию завещанию законной силы. Практически первый этап их деятельности сводился к официальному утверждению документа⁴¹ в надлежащем суде (реально это был церковный суд). После этого душеприказчики получали возможность в качестве представителей умершего выполнять его волю. Официальная регистрация документа предполагала, что исполнители будут должным образом управлять имуществом, составят опись вещей и отчитаются в их распределении.

Сборник Йоркских тестаментов содержит небольшое число описей (inventories) в качестве

приложений к завещаниям и без последних. Этого рода документы являются интереснейшим историческим источником. Как правило, описи – большой по размеру документ, разделенный на две части:⁴² собственно опись всех вещей в доме и вне его и отчет о распределении имущества по завещанию. Подробно и тщательно перечисляются вещи в каждой из комнат дома (гостиной, жилых комнатах, спальнях, кладовой, кухне), в мастерской, на усадьбе и т.п. Называется стоимость каждой вещи. Часто дается не только название ее, но и короткое описание, видимо, для большей точности: «Покрывало из гобелена с изображением животных, накидка зеленая с голубым, отороченная заячьим мехом» и т.п. Заканчивается перечисление каждого раздела общей суммой стоимости всего, что находится в помещении. Отчетная часть, обобщающая результаты деятельности душеприказчиков, включает такой же обстоятельный перечень долгов завещателя и тех сумм, которыми его должники были обязаны ему, а также перечисление расходов на похороны и другого рода выплаты, произведенные исполнителями: врачам за регистрацию завещания, за переписку документов, в уплату священникам и прочее. В заключение некоторых описей определяется общая сумма расходов исполнителей воли завещателя. Следует оговориться, что приведенная схема описей – наиболее полная – тот совершенный вариант, который, как и в случаях с завещаниями, был скорее не правилом, а исключением.

Таблица

**Социальные группы населения Йоркского графства,
представленные в тестаентах XIV-XV вв.**

Категории завещателей	Количество завещателей в группах
1. Горожане	121
2. Духовенство (архиепископы, епископы, приходские священники, капелланы, архидьяконы и др.)	173
3. Феодалы (лорды, герцоги, рыцари, оруженосцы)	259
4. Служащие, адвокаты, врачи, бакалавры, школяры	17
5. Завещания женщин-вдов и жен рыцарей	82
6. Землепашцы	2
7. Неизвестные лица без указания профессии, социальной принадлежности	108
Итого	762

Интересующий нас период XIV-XV вв. представлен в Йоркских тестаментарных сборниках 762 завещаниями и описями, которые принадлежат различным категориям завещателей, связанных с Йоркским графством, то есть имеющих основания для официального утверждения своих завещаний в канцелярии Йоркского архиепископа. Наглядную картину социального состава завещателей этого времени дает таблица, составленная по данным тестаментов. Разумеется, цифровой материал таблицы не может дать полного представления о количественном соотношении разных групп населения графства, но приблизительное сопоставление основных категорий завещателей: горожане (121), духовенство (173), дворянство (259) – говорит об осязаемом удельном весе горожан в регионе. Завещания горожан называют 40 ремесленно-торговых профессий.

Как самостоятельный исторический источник, завещания с описями дают весьма яркий и колоритный материал для изучения быта каждой из городских групп населения и в целом всех жителей города. Многочисленные и разнообразные дары, упомянутые в завещаниях горожан, позволяют определить состав движимого имущества тех категорий торгово-ремесленного населения города, которые попали в сборники. Вся движимость ремесленников и торговцев состояла из следующих частей: 1) предметы домашнего обихода; 2) предметы, связанные с производственной деятельностью (орудия труда, готовые изделия, сырье); 3) деньги; 4) драгоценности; 5) оружие; 6) у некоторых – книги. В составе движимого имущества Йоркских ремесленников и торговцев большое место занимали предметы домашнего обихода (мебель, утварь, одежда и т.п.), которые дают возможность воссоздать, прежде всего, бытовую сторону городской жизни, рисуют интерьер жилых и служебных помещений: гостиной, спальни, кухни, кладовой. С такой полнотой и тщательностью никакой другой источник не говорит об этом. Вещь не просто называется, но дается ее короткое описание (например, качество тканей, из которой сделана одежда, внешний вид последней, степень изношенности), цена (в описях), в них же дается общая оценка вещей, находящихся в каждом помещении. Так, в начале XV в. дом каменщика, видимо, подрядчика крупного масштаба, к тому же

собственника большого числа крупного рогатого скота (завещание сделано в марте 1409 г., опись составлена в 1410 г.), представлял собой следующее: в гостиной, содержимое которой оценивается 44 ш. 8 п., называются большой стол для еды, маленький обеденный стол, 3 пары подставок для ног, три скамейки, кресло, железный экран для камина, тазы, кувшины для умывания, диванные подушки, разная декоративная ткань, прялка, большая свеча, подсвечник и другие мелкие вещи. В жилой комнате: два новых покрывала, одно стеганое одеяло, один матрац, валик под подушку, семь подушек, тридцать простыней, тридцать локтей льняной ткани, шерстяное одеяло, три занавески, сундуки, одна деревянная кровать и т.п. Всего на сумму 16 ф. ст. 14 п. В кладовой: серебряный сосуд за 43 ш. 4 п., два плоских серебряных сосуда, семнадцать серебряных ложек, три медных подсвечника, одна четверть, литровый горшок, солонка, десять глиняных горшков, полотенца, салфетки разных размеров, свечи. Всего на 8 ф. ст. 8 ш. 2 п. На кухне: восемь медных горшков, три сковородки, три вазы, три железных вертела, железный треножник, каменные ступы, тазы. Далее к кухонному хозяйству причисляются: корова с теленком, петух, четыре курицы, две утки. Общая сумма 59 ш. 7 п.⁴³

Описания подобного рода, в большей или меньшей степени обширные и полные, можно найти почти по всем категориям перечисленных торгово-ремесленных специальностей. По завещаниям можно проследить эволюцию в одежде, обстановке, предметах обихода за два века и довольно четко определить рост потребностей горожан в комфорте и даже роскоши в их быту. В XV в. называется много занавесей, гобеленовых драпировок, очень искусно выделанных с изображениями птиц, зверей, сцен на сюжеты из легенд (что являлось, несомненно, свидетельством усовершенствования техники ремесленного производства), такие же орнаментированные покрывала, отделанная мехом одежда из ярко окрашенных льняных, шерстяных, шелковых тканей, пояса, золотые и серебряные с драгоценными камнями. Богатая посуда: серебряные ложки, чаши, бокалы, тарелки разной формы. Наконец, в большинстве документов называются в качестве даров драгоценности: кольца золотые с бриллиантами, руби-

нами, сапфирами. Не менее четкое представление дают завещания и описи об орудиях производства и всем оснащении мастерских ремесленников-завещателей,⁴⁴ продукции, ими выпускаемой.⁴⁵

Несомненно, Йоркские тестаменты – уникальный, богатый материал для изучения социально-экономических структур английского средневекового общества, его материальной культуры, быта, социальной психологии, ментальности. Они могут быть использованы и при исследовании вопросов религии, взаимоотношений горожан с церковью, монастырями. Это прекрасный источник для анализа процесса благотворительности в средние века.

Примечания:

- ¹ Более подробные сведения об истории Йорка в средние века можно получить в ряде работ английских историков, в том числе следующих: Knight Ch. The History of the city of York. York and London, 1944; Raine A. Medieval York. A topographical survey based on original sources. London, 1955; Tillot P.M. A History of Yorkshire. The city of York. London, 1961.
- ² Testamenta Eboracensia. Surtees Society. Vv. 4, 30, 45, 76, 106. Durham, 1836, 1855, 1865, 1884, 1902. В настоящей статье анализируются документы первых четырех томов, хронологически охватывающие 1316-1509 гг.
- ³ Calendar of wills... in London. Ed. R. Sharpe. Vv. 1, 2. London, 1889-1890.
- ⁴ Вот что пишет по этому поводу издатель Д. Рейн в предисловии к тридцатому тому: «Читатель найдет здесь много слов и фраз, которые находятся в полном противоречии со всеми правилами грамматики. Сделано это намеренно, ибо стремление издателя было дать документы такими, какими он их нашел». (Testamenta Eboracensia. V. 30. P. 7-8). Далее дается сокращенный вариант названия издания завещаний – Test. Ebor. – и номер, под которым числится текст завещания.
- ⁵ Издатель приводит единственный пример из XV в. такого завещателя, сделанного рыцарем Вальтоном в 1446 г. «in haec verba». (Test. Ebor. V. 30. №98). Завещание необычайно кратко и оставляет впечатление сделанного наспех, что вызвано, видимо, стремительно и неожиданно надвигающейся смертью. Вот его текст: «Завещаю свою душу (не называет, кому вверяет душу, что обязательно в такого рода документах), передаю все имущество жене и детям

(никаких пожертвований церкви), при свидетелях в лице слуг (единственными оказавшимися под рукой людьми, которые и стали свидетелями завещания, были слуги).

- ⁶ Письменное оформление произнесенного устно завещания осуществлялось обязательно после смерти завещателя, поскольку официальное утверждение документа предполагало его регистрацию. Благодаря этому правилу устные завещания попали в Йоркское собрание. «Настоящее устное завещание было утверждено в форме, которая следует», – начинается одно из таких завещаний, зафиксированное в письменной форме. (Test. Ebor. V. 4. №56).
- ⁷ Test. Ebor. V. 4. №119.
- ⁸ Test. Ebor. V. 4. №221.
- ⁹ Рыцарь Р. де Коулвин составляет завещание в 1429 г. в одну строчку: «похоронить на кладбище или в приходской церкви рядом с женой», а в 1433 г. делает большое добавление. Таких завещаний с добавлениями, хронологически далеко отстающими от основного текста, немало. (Test. Ebor. V. 30. №№23, 120, 37, 151 и др.).
- ¹⁰ Йоркский купец Т. Беверли в 1471 г. отмечает: «Я сделал это моей собственной рукой и поставил свою печать». (Test. Ebor. V. 4. №54).
- ¹¹ Test. Ebor. V. 30. №73.
- ¹² Test. Ebor. V. 4. №40; V. 30. №12.
- ¹³ Указания на род занятий и социальную принадлежность иногда отсутствуют, а если в этом случае и текст завещания не дает возможности определить профессию и место автора в обществе, то завещание превращается в безликий документ, теряющий значительную часть достоинств исторического источника.
- ¹⁴ Test. Ebor. V. 30. №№14, 37.
- ¹⁵ Test. Ebor. V. 30. №103.
- ¹⁶ Test. Ebor. V. 30. №219.
- ¹⁷ Test. Ebor. V. 4. №151 и другие.
- ¹⁸ «Мое тело похоронить под хором церкви Катвит или где укажет Бог» – пишет священник этой церкви. Test. Ebor. V. 4. №125.
- ¹⁹ Изготовитель щитов Дж. де Престон выразил желание, чтобы на могиле его и жены были положены камни с их именами. Test. Ebor. V. 4. №198. Член парламента от Йорка Томас Граа оставил 100 шил. для сооружения мраморного камня на могиле с выдавленными изображениями его и жены. Test. Ebor. V. 4. №240.
- ²⁰ Из церемоний, сопровождавших похороны, можно отметить: приглашение друзей и соседей, службы у тела в день погребения определенного числа служителей церкви, покрытие гроба определенного цвета тканью и т.п. Test. Ebor. V. 4. №88, 103, 104, 142 и другие.

- ²¹ «На все расходы на моих похоронах оставляю 40 ш.». Test. Ebor. V. 4. №103.
- ²² Test. Ebor. V. 4. №7.
- ²³ Test. Ebor. V. 4. №17.
- ²⁴ Test. Ebor. V. 4. №104. Купец Р. Руссел субсидирует строительство колокольни приходской церкви, назначает человека, который был обязан наблюдать за строительством. Он дает подробные указания о процессе стройки и тех изменениях в интерьере церкви, которые предлагает сделать. Строительство колоколен, алтарей, остекление окон – самые распространенные дары горожан церкви.
- ²⁵ «Завещаю в качестве церковной десятины такую-то сумму», – фраза, которая присутствует практически в каждом завещании.
- ²⁶ Очень выразителен пример купца Н. Блэкборна, которого издатель документов считает самыми щедрым горожанином города, каковым ему было быть несложно, поскольку он был и самым богатым купцом начала XV в. Н. Блэкборн являлся основателем четырех капелл. Test. Ebor. V. 30. №14.
- ²⁷ «Хочу, чтобы все земли и держания, которые я имел в качестве свадебного дара, были переданы на одну chantry в приходской церкви, а священник Тернер был утвержден в ней chantry-priest». Test. Ebor. V. 30. №40.
- ²⁸ Это богослужения в день смерти, на восьмой день после погребения, в годовщину похорон.
- ²⁹ Служба в 30 месс (trental), утренняя служба, утренний реквием, placebo и т.п.
- ³⁰ «На содержание добросовестного священника, который будет вести службу ежедневно в течение семи лет, оставляю 35 фунтов. Желая, чтобы этот священник во время службы стоял перед моей могилой в своем облачении, говорил псалом De profundis и окроплял мою могилу святой водой». Test. Ebor. V. 45. №60.
- ³¹ Йоркский изготовитель щитов наставляет своих душеприказчиков: «Завещаю на пять свечей в день моих похорон пять фунтов воска. Затем приготовить три других свечи по два фунта воска, из которых одну установить перед распятием в приходской церкви, другую – перед статуей Девы Марии в той же церкви, третью – перед изображением Фомы Кентерберийского». Test. Ebor. V. 4. №198.
- ³² Test. Ebor. V. 30. №40.
- ³³ Test. Ebor. V. 30. №14, 83.
- ³⁴ Test. Ebor. V. 4. №103.
- ³⁵ Test. Ebor. V. 4. №147.
- ³⁶ Test. Ebor. V. 30. №40 и другие.
- ³⁷ Test. Ebor. V. 30. №14.
- ³⁸ Первый вариант (на молитвы и жалование душеприказчиков) был наиболее распространен. Есть такие указания: «остаточный дар отдаю жене для использования ею». Test. Ebor. V. 4. №168.
- ³⁹ Test. Ebor. V. 45. №140.
- ⁴⁰ Test. Ebor. V. 4. №110.
- ⁴¹ О процедуре юридического оформления завещания дают представление работы английских историков. Наиболее интересные из них следующие: F. Pollock and F. Maitland. The History of English law. Vv. 1, 2, Cambridge, 1952; W. Holdsworth. The History of English law. V. 3. London, 1909.
- ⁴² Это деление подчеркивается только содержанием.
- ⁴³ Test. Ebor. V. 45. №18.
- ⁴⁴ Test. Ebor. V. 4. №154 – инструменты портного; V. 30, №169 – инструменты ювелира; V. 30, №106 – инструменты парикмахера и т.д.
- ⁴⁵ Test. Ebor. V. 4. №178. Здесь содержится перечень всего имеющегося в лавке аптекаря.